

УДК 882 (09)

Е. А. Гусева

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара***ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В ПРОЗЕ И. БУНИНА**

Розглядається документально-художня проза І. Буніна, зокрема його ранні оповідання з нарисною основою «На хуторі», «Тишина», «Казацким ходом», а також більш пізній нарисовий цикл «Тень птиці».

Ключові слова: нарис, публіцистика, реальність, документалізм, злободенність, авторська оцінка, суб'єктивність.

Рассматривается документально-художественная проза И. Бунина, в частности его ранние рассказы с очерковой основой «На хуторе», «Тишина», «Казацким ходом», а также более поздний очерковый цикл «Тень птицы».

Ключевые слова: очерк, публицистика, реальность, документализм, злободневность, авторская оценка, субъективность.

The article discusses the documentary-fiction Bunin, in particular his early stories with essay-type basis “On the Farm”, “Silence”, “Cossack Way” as well as a later essay-cycle “Shadow of Birds”.

Key words: essay, journalism, reality, documentalism, actuality, the author’s assessment, subjectivity.

Постановка проблеми. В творчестве многих русских писателей очерк занимает место рядом с самыми значительными их произведениями. Свободная и гибкая форма позволила ему сыграть заметную роль в литературе и журналистике рубежа XIX–XX вв. Для очерка характерна сложная форма проявления позиции автора по отношению к изображаемому. Органичная причастность к событию, «внешней реальности» и эпическая отстранённость от них, несомненно, присущи этому жанру как его родовые черты, что не исключает в нём публицистичности, т. е. прямого освещения важных нравственных и социальных вопросов. Очерк оперативно откликается на новые явления действительности и воплощается в соответствующих им «формах времени». Он ориентирован на внетекстовую (референциальную) реальную действительность, его жанрово-стилевые особенности обусловлены эстетикой факта, установкой на достоверность повествования. Литература fiction (т. е. литература вымысла), черпая свой материал из действительности, тем не менее, свободно трансформирует его. В отличие от неё литература non fiction (документальная) функционирует по иным законам: достоверность факта и художественный вымысел сосуществуют в ней на равных правах, она «живёт открытой соотносённостью и борьбой этих двух начал» [4, с. 63].

Основная часть. Развитие сюжета в очерке определяется последовательностью описаний, наблюдений, анализа явлений социальной действительности, после завершения которого заканчивается и очерк. Чёткое соотношение частей очерка, наиболее рациональное в плане художественности их расположение и освещение с точки зрения осуществления творческого замысла – это как раз те качества, которые присущи композиции и других литературных жанров. Но значение перечисленных черт композиции в очерке возрастает благодаря тому, что его сюжет строится на сопоставлении и противопоставлении персонажей, осуществляется как публицистическое исследование с помощью авторской оценки описываемых фактов. Носителем такой оценки в очерке выступает авторское «я». Образ автора-повествователя или автора-персонажа, занятого изучением и разъяснением наблюдаемых им событий и фактов, достаточно условен, но для очерка весьма характерен. М. Щеглов в этой связи отмечает, что именно «момент лично-

го раздумья» придаёт очерку публицистичность [7, с. 17]. Личность автора очерка, по мнению Е. Журбиной, «объединяет разрозненные звенья живой действительности, наблюдаемой им» [5, с. 41]. Талантливость рассказчика притягивает к себе слушателя и предопределяет возникновение двусторонней связи между автором и реципиентом, что объясняется как обывательским интересом к затронутой теме, так и авторитетом писательской личности, поскольку литература – это «процесс двусторонний...» [1, с. 249]. Следовательно, одной из приоритетных задач очеркистики является отображение интеллектуальных, психологических переживаний личности, возникающих при соприкосновении с действительностью. Очерк отличается от рассказа отсутствием единого, быстро разрешающегося конфликта и большей развитостью описательного изображения.

В конце XIX – начале XX в. осуществляется расширение границ жанра очерка, создаются произведения «синтетического» характера, в которых происходит органичное объединение документального и беллетристического начал, что, в частности, проявилось в очерковой прозе И. Бунина. Он не был журналистом, но, как и многие русские писатели, сотрудничал с периодическими изданиями, в частности с газетой «Киевлянин», журналами «Вестник Европы», «Мир Божий», «Русское богатство». В последнем и был напечатан рассказ с очерковой основой «На хуторе» (1895), обозначенный в подзаголовке как очерк. Его герой – помещик Капитон Иванович. В рассказе создаётся точный и выразительный портрет мелкопоместного дворянина, который, по сути, олицетворял тип российского провинциального помещика по своим жизненным стандартам, поведенческим стереотипам, эстетическим предпочтениям. Детство и отрочество Капитон Иванович провёл в доме тётки и в школе кантонистов; в юности писал стихи и посвящал их дочери чиновника, в которую был безответно влюблён. Имя у него было совсем не дворянское, а внешность – не слишком привлекательная. И. Бунин отмечает, что в молодости его герой увлекался поэзией Дельвига и Кольцова, порой воображал себя героем какого-либо романа Марлинского, иногда Печоринным, старался следовать моде... Но ничего не вышло: девушка, которую он любил, вышла замуж за другого, и Капитону Ивановичу пришлось спрятать стихи подальше в шкаф.

Бунин нашёл тот ракурс, который даёт возможность показать жизнь своего героя, добряка и фантазёра. Его единственным другом была легавая собака Джальма. Верный своей безответной любви, Капитон Иванович так и не женился, вёл небольшое хозяйство и иногда ездил на охоту. Дни его, похожие друг на друга, складывались в годы. Вот уже и когда-то отвергнувшая героя Анна Григорьевна умерла... Это известие вызвало у Капитона Ивановича множество воспоминаний и философских раздумий о бренности всего сущего. Но вот он заметил падающую звезду, долго смотрел в небо, и от этого ему стало легче: «...живо чувствовал он своё кровное родство с <...> безмолвной природой!» [2, т. 2, с. 34]. Такой взгляд персонажа на мир не случаен, ведь в очерке, кроме Капитона Ивановича, есть ещё один главный герой – неброская русская природа. Для неё писатель не жалеет красок и всё примечает – и тёмные, тёплые апрельские ночи, и благоухающие черёмухой сады, и крик цапли в ночи, и предутреннюю сочную свежесть сада, и мутно-молочный туман, и медный блеск окон... «Бунин постигает природу почти исключительно зрением, – писал о нём К. Чуковский. – Как и Фет, он – “соглядатай природы”. Его <...> деревенский глаз так хваток, остёр и зорок, что мы все перед ним – как слепые. <...> Там, где мы видим только синюю или красную краску, он видит десятки полутонов и оттенков: розово-золотой, розово-палевый, серо-жемчужный, сиренево-стальной, серебристо-сизый, радужно-ржавый, серозелёный и проч. Он не столько певец, сколько колорист-живописец» [6, с. 83]. Для ранних рассказов и очерков И. Бунина характерно не только документально точное изображение жизни русской деревни, но и поиск глубинного смысла бытия.

Очерковой прозе И. Бунина присущи пластично-чувственная образность и реалистическая конкретность. Его очерк «По Днепру» (1895) лёг в основу более позднего очеркового рассказа «Казацким ходом» (1898). Писатель признавался, что ему всегда была интересна Малороссия, он знал творчество Гоголя, зачитывался стихами Шевченко... И когда представилась возможность, отправился путешествовать по живописной реке. Истинный художник, Бунин по мере продвижения дальше на юг отмечал и быстро меняющиеся, становящиеся всё более яркими пейзажи, и внешность украинцев, и их мягкий южный говор... В частности, он отмечает, что мужики-великороссы – «народ, по большей части, измождённый, в дырявых зипунах, в лаптях и онучах, с исхудалыми лицами и лохматыми головами. А хохлы производят отрадное впечатление: рослые, здоровые и крепкие, смотрят спокойно и ласково, одеты в чистую, новую одежду...» [2, т. 2, с. 427]. Да и места уже за Курском, отмечает автор, начались весёлые: «равнины полей уходят в такую даль, о которой жители северных губерний даже понятия не имеют» [2, т. 2, с. 427]. И. Бунин мастерски описывает открывшиеся пейзажи и Днепр, такой разный в разное время суток. Если это раннее утро, то от реки веет свежестью, ароматной влагой; ближе к полудню всё замирает в неподвижном воздухе. Писатель отмечает и бледно-синеватые силуэты невысоких гор, и живописные заливные луга, и ослепительно блестящие полосы отмелей, и белые хаты, окружённые садами, мальвами и подсолнухами. В Каневе Бунин побывал на могиле Кобзаря и с восторгом и грустью написал о великом украинском поэте, который «...воплотил в своих песнях всю красоту своей родины вместе с горестями своей страдальческой жизни, и чьё простое крестьянское имя – Тарас Шевченко – навсегда останется украшением русской литературы» [2, т. 2, с. 432]. Расставаясь с Каневом, писатель чувствовал, что родина великого народного поэта стала для него ещё ближе.

Описывая своё путешествие, И. Бунин рисует выразительные пейзажи, используя, если можно так выразиться, самую разную технику. Это может быть и лёгкий, нежный акварельный набросок заката, и пастельный рассвет, и будто написанный темперой полдень... Удаются молодому писателю и портреты, причём это короткие, но очень ёмкие и точные описания людей, которых он повстречал на своём пути. Вот, скажем, лоцманы, которые провели «Чайку» через пороги: «Один из них был высокий, строгий старик-казак, другой – коренастый, добродушный и важный, настоящий Тарас Бульба» [2, т. 2, с. 435]. Рассказывает Бунин и о самих днепровских порогах, о том, как они опасны, как трудно их преодолеть, надеясь лишь на опыт лоцманов, реакцию гребцов и на везение. Когда опасность была позади, автор-персонаж с видимым удовольствием называет днепровские пороги по именам – Кадацкий, Сурский, Лоханский, Звонецкий, Ненасытец... Сойдя в Александровске, он побродил по Хортице, тщетно пытаясь найти следы Запорожской Сечи. Однако окружающая красота отвлекла его: за Хортицей начиналась «Великая Днепровская Плавня, где Днепр разливается необозримыми озёрами и весь усеян тысячами островов в рощах, верболазах и камышах» [2, т. 2, с. 437]. Дальше расстиались зелёные, сочные степи и, наконец, море. Автор-персонаж, совсем ещё юноша, ощущает, что жизнь прекрасна и увлекательна, и это ощущение передаётся читателю.

И. Бунин тонко и глубоко чувствовал и красоту природы дальних стран. Скажем, в рассказе «Тишина» (1901), который можно обозначить как рассказ очеркового типа, он повествует о прогулке по Женевскому озеру. Писатель любуется чистотой и свежестью утра, яркостью незнакомых мест: «Савойские горы таяли в светлом утреннем пару, и под солнцем едва можно было различить их <...> Вблизи, в огромном пространстве долины, в прохладной и влажной свежести тумана, лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро» [2, т. 2, с. 237]. Несколькими штрихами Бунин набрасывает и городской пейзаж – чистые приветливые ули-

цы, живописные тополя и платаны в тихих золотых садах, бирюзовое небо, голубую прозрачную воду озера, сквозь которую видно дно, сваи и лодочные кили... Нельзя не согласиться с К. Чуковским, который писал о Бунине: «Любование, радование зримым – главная улада его творчества» [6, с. 83]. Действительно, писатель замечает и слышит многое – леса и рощи, пестреющие нежными осенними красками, живописные виллы в садах, нежный звук колокола, плывущий над водой... У Бунина «есть глубокая органическая связь с русской прозой: с пейзажем Тургенева и с описанием Чехова, – писал М. Волошин. – <...> И если мы не находим в нём плавного струящегося ритма, <...> то в его прерывистости и неторопливости бесспорно получил стихотворное обобщение многоголосый ритм тургеневских и чеховских описаний» [4, с. 493]. Так Волошин писал о бунинской поэзии, но это же можно сказать и в отношении прозы писателя. «Красота новой для нас природы, красота искусства и религии всюду волновала нас юношеской жаждой возвысить до неё нашу жизнь, наполнить её истинными радостями и разделить эти радости с людьми. <...> не сказочное ли это счастье, которое уходит за тёмные леса и горы по мере того, как идёшь за ним?» [2, т. 2, с. 240]. В этих строках – весь Бунин, истинный художник, поэт и певец природы...

Перу И. Бунина принадлежит и цикл путевых очерков «Тень птицы» (1907–1911), в которых он наблюдает и описывает природу, культуру Востока, воплощённую в предметном мире, архитектуре, обычаях. В бунинских очерках чувствуется связь древности и современности, и эта связь отражает поэтическое восприятие мира. Цикл открывается одноимённым очерком «Тень птицы». Как всегда, Бунин – прежде всего художник и выдающийся мастер пейзажа, а его зарисовки зримы и выразительны. Здесь и прозрачный воздух, и сизо-алый закат, и мутно-белая луна... Столь же выразительны и первые впечатления от Турции, раскинувшейся по берегам Босфора. Бунин отмечает контрасты: «Ветхость – и чудовищные руины Румели-Гисар <...> Запустение – и роскошь султанских вилл, пороги которых купаются в зелено-голубой воде пролива, эти сплошные сады и селенья, каики из золотой лакированной ясени, устланные бархатными коврами...» [2, т. 3, с. 317–318]. Бунин описывает свои впечатления от новой, экзотической страны. Это и бухта Золотой Рог, и порт с его будоражащими звуками, красками, запахами, и мечети, и храм Софии, затерявшийся между ними...

В следующем очерке, вошедшем в цикл («Море богов»), описан переход через Дарданеллы в Средиземное море. «Был опять тонкий пар, полный блеска, лёгкий, влажный воздух, – отмечает Бунин. – Но море было уже не то. Это было густое сине-лиловое масло» [2, т. 3, с. 336]. И вот уже автор и его читатели погружаются в другую экзотику – греческую: Эвбея, ««пустынные горы» Гимета» [2, т. 3, с. 336], Акрополь – «...впервые в жизни всем существом своим ощутил я древность» [2, т. 3, с. 336]. Бунин подробно описывает Афины, и перед читателем предстают ослепительно-белые улицы греческой столицы, зелёные жалюзи на окнах, королевский дворец, Акрополь. «Наконец, коляска останавливается как раз против входа в гранитной стене, за которым широкая лестница из лоснящегося мрамора поднимается к Пропилям и Парфенону... И на мгновение я теряюсь... Боже, как всё это просто, старо и прекрасно!» [2, т. 3, с. 337]. Писатель погружается в атмосферу древней цивилизации, создавшей богатейшую культуру, мифологию, завоевавшую множество земель, пришедшую в упадок, но не растерявшую, тем не менее, своего величия. Реальность в бунинской прозе «подчёркнуто вещественна, переполнена выпуклыми, осязаемыми деталями, что отмечал ещё Чехов. Язык Бунина действительно представлен как непосредственное выражение реальности, как предельно миметичный язык...» [8, с. 121].

В очерках «Дельта» и «Свет Зодиака» описывается Египет. Кажется, что чем дальше путешественники продвигаются на юг, тем в более экзотичные места они попадают. Кроме того, двигаясь в этом направлении, они встречают всё больше

напоминаний о великих древних цивилизациях, возникает своеобразная обратная хронология: Константинополь – закат Римской империи, затем – Греция, Египет и наконец – Иудея, которой посвящены семь очерков цикла. Бунин пишет: «...тут старее, восточнее. И небо над базаром ярче, и зной не тот» [2, т. 3, с. 360]. Кажется, что в Яффе время остановилось: здесь «тысячу лет торгуют одним и тем же – хлебом, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чеснока, шафраном, бобами...» [2, т. 3, с. 360]. Писатель отмечает связь эпох: «...эти чёрные, курчаво-седые старики-семиты с обнажёнными бурями грудями, в своих пегих хламидах и бедуинских платках; эти измаилитянки в чёрно-синих рубашках, идущие гордой и лёгкой походкой с огромными кувшинами на плечах; эти нищие, хромые, слепые и увечные на каждом шагу – вот она, подлинная Палестина древних варваров, земных дней Христа!» [2, т. 3, с. 360–361]. Яффа, Иерусалим, Назарет, Иерихон, Газа... От бунинских очерков веет Ветхим и Новым Заветом, в них отражаются вечные, вневременные законы бытия.

Выводы. В духе реалистической традиции И. Бунин воспроизводит в своих очерках мир в адекватных ему формах, но уходит от социально-политической злободневности, присущей русской очерковой прозе XIX в. В это время в его творчестве нет учительского пафоса, характерного для русской классической литературы. До ожесточившей его перо Октябрьской революции оставалось шестнадцать лет.

Библиографические ссылки

1. Агапов Б. О хорошем и плохом / Б. Агапов // Новый мир. – 1957. – № 2. – С. 245–253.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 9 т. / Иван Алексеевич Бунин. – М. : Худож. л-ра, 1967.
3. Волошин М. Лики творчества. – 2-е изд., стереотип. / Максимилиан Волошин. – Л. : Наука, 1989. – 848 с.
4. Гинзбург Л. Я. О документальной литературе и принципах построения характера / Л. Я. Гинзбург // Вопр. л-ры. – 1970 – № 7. – С. 62–91.
5. Журбина Е. И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. (Очерк. Фельетон) / Е. И. Журбина. – М. : Мысль, 1969. – 398 с.
6. Чуковский К. Ранний Бунин / К. И. Чуковский // Вопр. л-ры. – 1968. – № 5. – С. 83–101.
7. Щеглов М. А. Очерк и его особенности / М. А. Щеглов // Литературно-критические статьи. – М. : Сов. писатель, 1965. – С. 9–44.
8. Щербенок А. Деконструкция и классическая русская литература: от риторики текста к риторике истории / Андрей Щербенок. – М. : Нов. лит. обозрение. – 2005. – 232 с.

Надійшла до редколегії 25.05.14.